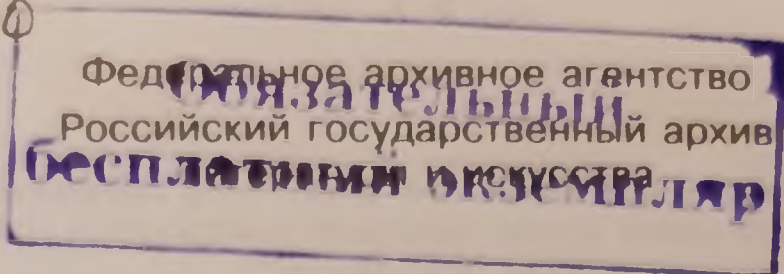

2006-2
10700

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРХИВАХ
И ЗА РУБЕЖОМ

Материалы
Международной научно-практической
конференции

Москва, 29—30 октября 2003 г.

Москва
РОССПЭН
2005

**АРХИВНЫЕ ОПИСИ
КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА
ИЗУЧЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО АРХИВА
А.М. РЕМИЗОВА**

В истории личного архива Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) отразились перипетии судьбы и психология самосознания писателя, а также изломы русской истории.

По времени своего рождения Ремизов принадлежал к тому поколению писателей, у которых было сильно развито чувство истории и самосознание своего бытия в истории. Его современники, относившиеся к культурным слоям русского общества, были воспитаны на понимании исторической ценности предметов человеческой деятельности, куда на равных и даже приоритетных правах входили материальные проявления духовного творчества (применительно к писательскому труду не только книги, но и творческие рукописи, черновики, эпистолярное наследие, даже деловые документы, связанные с издательским процессом и т. д.). Их сохранение было столь же значимо для поддержания и дальнейшего развития культуры, как и сбережение, например, архитектурных, изобразительных, музыкальных ценностей.

Если рассматривать заявленную тему в исторической перспективе, надо отметить, что в России традиция сохранения объектов писательского труда была деформирована и фактически прервана в своем прежнем виде после ноября 1917 г. Согласно теориям тогдашних властей духовный труд был приравнен к определенному, причем не самому высоко оплачиваемому виду физического труда. Соответственно отношение к предметам и «отходам» этого труда было уравнено с отношением к предметам и отходам труда физического. Характерный пример — решение Совнаркома об отмене авторского права, вызвавшее бурную реакцию писателей. Как писал Ф. Сологуб: гг. Комиссары «и в этом случае не останавливаются перед искажением истины, внушая темным массам лживое представление о "буржуях-писателях", купающихся в золоте, тогда как положение писателя в России всегда было, есть да и, по-видимому, и впредь будет одним из самых бедственных и гонимых. До-

статочно сказать, что за лист перевода и библиографии до сих пор работники пера получают 40 и 80 рублей, тогда как наборщик за набор того же листа получает уже свыше 400 рублей»¹. Дополнением к трансформированию общественного мнения о судьбе архивного наследия было и активное «новаторское» использование этих материалов.

Как известно, они стали «вещественными доказательствами» для репрессивных органов, применявших затем соответствующие меры, как против владельца архива, так и против лиц, упомянутых в документах и рукописях. Процесс подобного «изучения и использования» архивных материалов протекал, то усиливаясь, то затихая, до конца существования СССР. Это вело, в частности, к развитию автоцензуры, когда владелец архива сам уничтожал как «компрометирующие» не только деловые, эпистолярные, но и свои творческие материалы. Примечательно, что наиболее полные, не автоцензурованные архивы иногда сохранились благодаря их насильственному изъятию от владельца, хотя гораздо чаще конфискованные таким образом архивы гибли в недрах соответствующих организаций. Остается заметить, что на нынешнем этапе Россия влилась в развитие мирового процесса уничтожения архивных материалов, и в частности, творческих черновиков и писем, процесса, обусловленного наступлением эпохи компьютеризации и Интернета.

Как известно, 5 августа 1921 г. Ремизов с супругой покинул Петроград, а через несколько дней навсегда пересек границы Советской России. С 1923 г. и до своей кончины в 1957 г. он жил во Франции. В момент, когда Ремизов решил уехать из России, действовало предписание новых властей, согласно которого уезжавшим был запрещен вывоз «ценностей», в том числе книг и рукописей, кроме незначительного числа личных вещей. В состав такого минимума, отобранного Ремизовым для своего багажа, вошли его многолетняя переписка с женой; письма дочери и воспитывавших ее родственников, сообщавших родителям о жизни Наташи; личные дневники Ремизовых; салонные альбомы Серафимы с посвященными ей стихами и пожеланиями; письма к ней З.Н. Гиппиус; альбом, содержащий произведения и фотографию Казимира Тышки — ссыльного, покончившего с собой на почве безнадежной любви к Серафиме и некоторые наиболее дорогие для Ремизова эпистолярные материалы (отдельные письма Горького, Блока, Андрея Белого, полный комплекс писем В. Розанова и др.).

¹ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

В тогдашних условиях не могло быть и речи об увозе с собой книжного собрания и всего обширного архива, собиравшегося Ремизовым с 1902 г. Нельзя было также вывезти альбомы его рисунков, поскольку они могли быть сочтены на таможне за отнимаемое у пролетариата достояние республики.

Вопрос с книгами был решен Ремизовым быстро и жестко. Как свидетельствуют архивные источники, его книжное собрание было продано в розницу через Лавку Дома литераторов. Лишь его малая, но самая заветная для владельца часть — древнерусские рукописные и старопечатные книги — были безвозмездно переданы Ремизовым в Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека).

Сложнее было дело с личным архивом писателя, состоявшим из творческих беловых и черновых рукописей, эпистолярных материалов, художественных и фотографических альбомов.

Горький опыт, накопленный за годы революции, сопровождавшиеся пожарами и разграблением собраний исторических и художественных ценностей, подсказал Ремизову идею передать свой архив на государственное хранение, но передать, разделив его на части, в надежде, что хоть что-нибудь где-нибудь уцелеет.

Материалы с 1902 до 1912 г. были переданы им в Публичную библиотеку. О передаче туда материалов свидетельствует, в частности, записка Ремизова от 2 августа 1921 г., адресованная библиографу Публички и личному другу писателя Я.П. Гребенщикову: «Эти письма — мои книги, согласно воле покойного старца блудоборца Ивана Александровича Рязановского прошу отдать в Публичную библиотеку. А. Ремизов».

Архив, поступивший в Публичную библиотеку, состоял из двух частей. Первая из них: черновики и наборные рукописи уже опубликованных произведений. В целом это составляло незначительную часть передаваемых материалов. Вторая часть архива: самодельные авторские альбомы из оберточной бумаги 4-ку листа, куда систематически, одновременно, и по годам, и по темам были наклеены письма к Ремизову, сопровождаемые авторским комментарием, а также вырезками из газет (печатными текстами или воспроизведениями фотографий, карикатур или иных изобразительных материалов). Эта вторая часть до передачи в архив была описана самим Ремизовым¹. Анализ сохранившейся описи, датированной 23 ноября 1919 г., показал, что

¹ РНБ. Ф. 634. Д. 273.

она зафиксировала полный список архивных документов до 1912 г. В описи содержавшиеся в альбомах письма были расписаны по адресатам с указанием точной даты и места написания, а также сопровождавших материалы вырезок из газет. Были также описаны включенные в альбомы рисунки адресатов (например: рисунок Андрея Белого «Вячеслав Ивано»; «Портрет Щеголева, рисунок Городецкого»). Иногда хронологически следующие одно за другим письма различных лиц сопровождалась аналитической авторской пометой. Например, комплекс писем Вяч. Иванова, А. Чеботаревской, Ф. Сологуба, А. Толстого и др. был сопровожден пометой «судное дело об обезьяньем хвосте». Она указывала на известный скандал вокруг обезьяньего хвоста, надетого Ремизовым на маскарад, хвоста, который был отрезан А. Толстым от шкуры обезьяны, принадлежавшей А. Чеботаревской.

Сличение авторской описи с современной описью архива писателя в РНБ, составленной архивистами библиотеки фонда, показало следующее. Часть эпистолярных и изобразительных материалов была изъята Ремизовым из альбомов писем в период между составлением авторской описи и передачей архива в Публичную библиотеку. Она была увезена за границу. Дальнейшая судьба этих материалов была различна. Так на основе посланий Розанова была написана книга «Кухня», а подлинники, как и все остальные, взятые с собой письма знаменитых людей были в дальнейшем проданы Ремизовым коллекционерам. Лишь незначительная их часть сохранилась в личном архиве Ремизова, в Собрании Резниковых (Париж). Из альбомов-конволютов писем, оставшихся в Публичной библиотеке, в 30-е годы по приказу правительства были вырезаны и переданы в Москву в Архив Горького письма Буревестника революции. Остававшиеся в Публичной библиотеке альбомы-конволюты, представлявшие ценность как особые авторские художественно-документальные единства, были размонтированы в 1970-х годах. Письма были разложены по адресатам, а основы, на которые они были наклеены Ремизовым, уничтожены. Исключение составил только самый ранний альбом начала 900-х годов.

Вторая часть архива Ремизова — черновики, наборные рукописи, альбомы с эпистолярными материалами с 1913 до 1921 г., альбомы с фотографиями, альбомы автоиллюстраций и рисунков писателя, а также деловые бумаги (договоры с издательствами), документы и семейная переписка — была передана Ремизовым в Музей Дома литераторов. Сохранился отрывок — конечный лист авторской описи, сопровождавшей эти материалы:

«В Дом Литераторов / 21) альбом домашний / 22) альбом семейный / 23) хождение мое по этапным мукам / 24) Наташины разговоры / 25) 3-и моих свитка Вологодских 1901—1903 г. / 26) три черновика из "Шумы города" / Алексей Ремизов 25.VII.1921»¹. Как свидетельствуют архивные источники, именно в Доме литераторов Ремизов был вынужден оставить рукописи еще неизданных произведений (книги «Россия в письменах», романа «Ров львиный» («Канав»), подготовленных сборников сказок и др.). Также в эту часть архива были включены сугубо личные материалы, такие, как, например, семейные фотографии, письма родственников, дореволюционные паспорта, пригласительные билеты для участия в голосовании по выборам в Учредительное собрание и т. п.

Судьба этой части архива была более драматична. Сразу же после отъезда, Ремизов при помощи друзей и, в первую очередь, Вяч. Шишкова, Сергея Осипова и Марии Шкапской, — начал предпринимать усилия по возвращению себе вынужденно сданных в Дом литераторов личных документов и неопубликованных творческих рукописей. Ремизов и его друзья стремились наладить переправку их через третьих лиц за границу. Благодаря их титаническим усилиям и с приключениями, описание которых достойно быть предметом авантюрного романа, часть интеллектуальной собственности вернулась к своему владельцу. Для просьб о возврате Ремизов выбирал самые дорогие для сердца материалы или те, что были ему профессионально необходимы. Так из приведенного в сохранившейся части описи к Ремизову вернулись «Наташины разговоры» (т. е. записи первых речей маленькой дочери) и два альбома семейных фотографий. Также были возвращены основной корпус материалов книги «Россия в письменах» и рукопись «Рва львиного». После прекращения существования Дома литераторов часть материалов осела у М.В. Борисоглебского, работавшего в Доме литераторов, и потом в составе его фонда поступила в Публичную библиотеку. В его же архиве уцелел и кусок авторской описи Ремизова. Но основная масса материалов из Дома литераторов в итоге поступила в Пушкинский Дом. Там они не были разобраны до середины 1970-х годов. При разборе над альбомами-конволютами писем была произведена та же процедура, что и в Публичной библиотеке — письма были разобраны по адресатам, сами бумажные тетради уничтожены.

¹ РНБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 338.

Ремизов был в курсе движения его дореволюционного архива по советским хранилищам. Когда в конце 1920-х годов М. Шкапская передала в Музей Пушкинского Дома ремизовскую коллекцию игрушек, то на основе факта этого дара завязалась переписка между Ремизовым и сотрудником Пушкинского Дома П. Устимовичем¹. Одной из основных ее тем было обсуждение судьбы ремизовского дореволюционного архива, оставленного в СССР. Так, в письме от 1 мая 1927 г. Ремизов писал Устимовичу: «Прилагаю два рассказа из Посолони и 4 карточки игрушек. Когда у вас будет полный каталог игрушек, хотелось бы мне сложить в вас все вместе: и архив писем, какие получил с 1902—1921 (5 августа). / Когда-нибудь интересно будет — литературный быт»². Далее Ремизов, основываясь на имевшейся у него в Париже копии полной авторской описи своего архива, приводит Устимовичу краткую опись систематизированных эпистолярных материалов. Приведу ее начало: «I т[ом] 1902—3—4 — 73 [письма] // II т[ом] 1905 — 82 [письма] / III т[ом] 1906 — 146 [писем] / IV т[ом] — 1907 — 93 [письма] / V т[ом] — 1908 — 100 [писем]»³. Суммируя данные описи, можно сделать вывод о ее содержании. Ремизов подробно указал, что одиннадцать конволютов-альбомов (с первого по одиннадцатый включительно), содержащих 1391 письмо с 1902 по 1914 г., он передал в Рукописный отдел Публичной библиотеки. Альбомы-конволюты с двенадцатого по двадцатый включительно, содержавшие 1266 писем с 1915 по 1921 гг. (Ремизовым не подсчитано количество писем за 1920—1921 гг.) он отдал в 1921 г. в музей Дома литераторов. Как показывает сравнение этой краткой описи 1927 г. с авторскими описями, сохранившимися в России, Ремизов, вероятно, не имел в парижском экземпляре указаний о точном разделении материалов между двумя хранилищами по хронологии. Однако эта опись позволяет уточнить представление о демонтированных альбомах-конволютах. Она также содержит данные об изначальном количестве писем, имевшихся в ремизовском архиве, поскольку в ней не вычленены документы, изъятые самим писателем перед отъездом, и, тем более не указаны лакуны, появившиеся после принудительного изъятия документов (как то было с письмами Горького).

¹ Подробнее см.: Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья 1. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185—215.

² РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Д. 11. Л. 7.

³ Там же.

В тех же письмах к Устимовичу, а впоследствии в завещательных распоряжениях 40-х годов и переписке с сотрудником Рукописного отдела Пушкинского Дома В.И. Малышевым 1956—1957 гг. Ремизов выражал пожелание, чтобы весь его и дореволюционный, и эмигрантский архив был собран воедино в Пушкинском Доме. Этому не суждено было осуществиться. Однако во многом благодаря присутствию Ремизову историческому самосознанию все части его архива, рассредоточенные ныне между Россией, США и Францией, сохранились, систематизированы и описаны профессиональными архивистами, помощь которым во многом оказал сам писатель. Сохранившиеся авторские описи ремизовского архива — неоценимое подспорье как для дальнейших источниковедческих разработок, так и для последующего литературоведческого изучения его творчества. Они являются научно-объективным источником для анализа состава, этапов и типологии формирования архива русского писателя XX в., что представляет значительную ценность в условиях исторических катаклизмов, пережитых русской культурой в XX в.